

вета Греции не дали. Документы показывают действительное стремление СССР установить более тесные отношения с Болгарией, в то время как в январе 1940 г. “политика болгарского правительства относительно Советского Союза остается еще политикой выжидания и политикой колебания” (с. 1240). Уже в марте 1940 г. российская дипломатия констатирует, что “Болгария, экономика которой целиком и полностью была поставлена на службу Германии, с молчаливого согласия англичан и французов вошла в орбиту немецкого влияния” (с. 1260). И, как свидетельствуют документы, Германия начала торговать македонскими землями, “обещала Болгарии Македонию при условии, если Болгария нападет на Турцию и Грецию или пропустит через свою территорию германские войска” (с. 1296).

Содержание сборника значительно шире, чем только македонский вопрос. Документы раскрывают большое количество деталей вза-

имоотношений балканских стран, сложные и длительные балканские противоречия и характеризуют разделение македонских революционеров на федералистов (самостоятельная Македония) и автономистов (автономная Македония в рамках Болгарии), их взаимоотношения с подпольщиками в Албании, Черногории и Сербии, внутренние разногласия между ними.

В целом опубликованные документы являются добротным материалом для исследователей, стремящихся разобраться в хитросплетениях балканской истории межвоенного периода. Издание позволяет рассматривать македонский вопрос не изолированно, а в контексте балканской и европейской политики.

Е.Ю. Гуськова

доктор исторических наук,
руководитель Центра по изучению
современного балканского кризиса
Института славяноведения РАН

Ф. Дуглас. Я БЫЛ РАБОМ... РАССКАЗ О СВОЕЙ ЖИЗНИ. М.: Зебра Е, 2009, 223 с.

“Я был рабом...” Так назвал переводчик Андрей Лаврухин автобиографию известного abolitionиста Фредерика Дугласа “Повествование о жизни Фредерика Дугласа, американского раба, написанное им самим”, впервые изданную в 1845 г. и пользовавшуюся большой популярностью.

Книга представляет собой один из лучших источников по истории рабства в США. Ценность автобиографии Дугласа в том, что, написанная бывшим рабом, она показывает рабство изнутри – случай довольно редкий. Хотя после освобождения черные давали интервью, а порой и рассказывали о своей жизни¹, среди них трудно найти такого думающего и анализирующего автора, как Дуглас. Он сумел не просто представить читателю свою историю, но и показать духовную эволюцию раба, свой путь к свободе. Другая не менее важная тема, затронутая в книге, – abolitionизм. Дуглас намеренно не сообщает подробностей своего освобождения из неволи, боясь повредить другим, закрыв для них этот канал. Abolitionисты сыграли важную роль в его судь-

бе. Они встретили его в Нью-Йорке, помогли перебраться в Нью-Бедфорд (штат Массачусетс), снабдив деньгами. Благодаря им Дуглас втянулся в общественную деятельность, начал выступать с лекциями, став активным участником abolitionистского движения.

Книга позволяет избавиться от бытующих по сей день стереотипов во взгляде на рабство в Соединенных Штатах, от поверхностного отождествления его с крепостным правом в России.

Что же нового узнает читатель из автобиографии бывшего раба?

С первых страниц повествования становится понятным, почему современный писатель У. Стайрон, родом с Юга, назвал рабство в США “системой психологического гнета, хуже которого не знает история”², – раб был лишен даже личной жизни, в которую тоже вмешивался рабовладелец. Дуглас не имел не только детства, но и семьи, хотя у него была мать, братья и сестры, бабушка, поскольку не знал семейных отношений – материнского тепла, семейной близости. Свою мать он никогда не видел. Она лишь несколько раз

¹ См., например: *Thomas J. From Tennessee Slave to St. Louis Entrepreneur: The Autobiography of James Thomas*. Columbia (MO), 1984.

² *Стайрон У.* Безмолвный прах. – Иностранная литература, 1986, № 7, с. 223.

приходила к нему ночью, проделывая для этого длинный путь в 12 миль в одну сторону и столько же обратно, так как ее отдали внаем другому хозяину. “Нас почти ничего не связывало”, – пишет он. К тому же мать скоро умерла. Как и все рабы, Фред не знал ни года, ни месяца своего рождения, ему не известен и отец, которым, вероятно, был белый хозяин. Дуглас рос вместе с другими детьми на плантации в своеобразном детском саду под присмотром старухи, уже не имевшей сил работать в поле. Одевался в грубую рогожу (до семи лет не носил брюк), спал на земле, укрываясь старым мешком, постоянно испытывая холод; ел, как зверь, из общего для всех детей корыта, без ложек. Какое сознание может выработать у человека такое детство? А ведь он жил в табачном Мэриленде, на верхнем Юге, отличавшемся терпимым обращением с рабами в сравнении со штатами нижнего Юга, где на крупных хлопковых, сахарных и рисовых плантациях они были в полной власти управляющих и надсмотрщиков.

Однако жестокости хватало и в Мэриленде. Первые впечатления мальчика связаны с порками до крови и даже убийством раба, правда, подобное происходило здесь не часто, ведь после отмены работорговли в 1808 г. цена на рабов постоянно росла, перед Гражданской войной они стоили очень дорого – более 1 тыс. долл., тогда как лошадь – 50 долл., а костюм – 3,5 долл. Хозяина вполне удовлетворило объяснение надсмотрщиком причины убийства неуправляемостью раба, который подает дурной пример остальным, не желая подчиняться приказу.

Фреду повезло – хозяин отдал его своему родственнику, никогда не имевшему рабов, в город Балтимор, что определило его дальнейшую судьбу. Он уезжал с плантации без сожаления, ни к кому не чувствуя привязанности, братья и сестры были ему чужими. С теплотой Дуглас вспоминает только о бабушке, но вовсе не из-за ее доброго отношения к внуку, а из-за “недоброго” отношения к ней хозяйина. Вырастившую его с младенчества и “заселившую плантацию рабами” – своими детьми, внуками и правнуками, ее в “благодарность” за верную службу поселили одну в лесу, когда она стала больной и немощной.

Дуглас сообщает о положении рабов в городе: “Раб, живущий в городе, почти свободен, если сравнить его с рабом на плантации. Он намного лучше питается и одет, и весьма доволен теми привилегиями, кои неизвестны последнему” (с. 63). Новые хозяева в Балтиморе оказались менее старыми, а хозяйка даже взялась обучать Фреда чтению. Но занятия прервал ее муж, справедливо заметив, что

“учить раба читать так же противозаконно, как и небезопасно. ...Он уже никогда не будет рабом”. (с. 60–61) Именно поэтому на Юге законом было запрещено обучение рабов грамоте. “Даже в древнем мире, – заметил английский экономист, – рабовладельцы не распространяли свой контроль на умы рабов”³. Разговор супругов, случайно услышанный мальчиком, стал поворотным моментом в его сознании, началом долгого пути от рабства к свободе. У Фреда появилось непреодолимое желание во что бы то ни стало научиться читать, чтобы обрести свободу, и он научился этому с помощью белых сверстников на улице. Но чтение открыло и всю безнадежность его положения.

Одним из ярких эпизодов унижения, которым подвергались невольники, является раздел имущества между детьми умершего рабовладельца. “Всех – жеребцов и мужчин, овец и женщин, поросят и детей, ничем, по сути, не отличавшихся друг от друга, – подвергли тщательному осмотру. Стариков и юношей, девушек и матерей семейств, осматривали, не смущаясь ничем. В этот момент я более ясно, чем когда-либо, увидел разрушительное воздействие рабства как на раба, так и на рабовладельца” (с. 80).

Дугласу удалось показать, как постепенно крепло в нем стремление к свободе. Оно не оставило его даже тогда, когда он стал полевым рабом и когда тяжелая изнуряющая работа заполнила всю жизнь, отупляя и низводя до уровня скота. На пути к заветной цели были и успехи (он научился оказывать сопротивление насилию хозяев), и неудачи – сорвался организованный им побег рабов, которых он обучил грамоте и которым внушил мысль о свободе.

Обычно после побега рабов тут же продавали на нижний Юг, чего боялись все рабы верхнего Юга, в том числе и Дуглас с товарищами, но этого не произошло – их забрал хозяин, поскольку ценил своих работников. Отказался он только от нанятого Дугласа, считая его виновным в побеге. Фреда, кстати, поразила тюрьма, где оказались заговорщики: в ней хорошо кормили и было чисто, что свойственно всей пенитенциарной системе Америки. В 30-х годах это отмечал А. Токвиль, а в 40-х – Ч. Диккенс.

Из автобиографии Дугласа можно узнать о такой малоизвестной черте рабовладельческого Юга как наем рабов. С истощением почвы под табаком с конца XVIII в. плантаторам старых табачных штатов (Мэриленд, Вирджиния, Северная Каролина) пришлось переходить к фермерским культурам (пшеница, кукуруза,

³ Cairnes J.E. The Slave Power: Its Character, Career and Probable Designs. New York, 1968, p. 117.

овес), требовавшим не круглогодичной, а сезонной работы, труд рабов оказался невыгодным, их нечем было занять в межсезонье. Неужных рабов или продавали на нижний Юг, где интенсивно развивалось хлопководство, или сдавали в аренду. В Мэриленде росло число свободных черных (45% в 1850 г.), здесь перед Гражданской войной их было больше, чем в любом южном штате. Это позволило историку Б. Филдс сделать вывод о постепенном отмирании рабства в Мэриленде⁴.

Дуглас рассказал, как его несколько раз нанимали на год разные хозяева: то жестокий арендатор фермы, прославивший укротителем непокорных рабов, то плантатор-джентльмен, единственный, не допускавший насилия по отношению к невольникам. Однажды хозяин в Балтиморе даже разрешил самому искать себе работу и в конце каждой недели приносить ему деньги. Дуглас работал на судовой верфи и получал хорошую зарплату – 8–9 долларов в неделю, но всё отдавал хозяину, а тот милостиво оставлял ему 25 центов, что считалось невиданно большими деньгами для раба. Но Фредерик негодовал: почему он должен отдавать заработанное тяжким трудом? Понятно, что при такой форме работы и таком уровне сознания рабу оставалось сделать только шаг для освобождения, и он был сделан.

Перед читателем проходит целая галерея хозяев. Портреты рабовладельцев, нарисованные Дугласом, в большинстве случаев весьма непривлекательны. Холодность, жестокость, иногда изощренная подчас сочетались с протестантской набожностью, среди них были даже проповедники. Они говорили о любви к ближнему, но не замечали страданий раба, не видели в нем человека. После общения с набожными хозяевами Дуглас стал ненавидеть религиозное ханжество и считал, что “религия Юга служит прикрытием большинства ужасных преступлений, защитницей потрясающей жестокости” (с. 129).

Рабство, как справедливо заметил Дуглас, оказывало “разрушительное воздействие” не только на рабов, но и на хозяев. Об этом писал еще Т. Джефферсон: “Все отношения между хозяином и рабом представляют собой постоянное проявление самых бурных страстей, самого упорного деспотизма с одной стороны и униженного повиновения — с другой. Наши дети видят это и учатся подражать этому”⁵. Дуглас показал эволюцию рабовладельца на

примере своего хозяина в Балтиморе. Незлой от природы он, получив во владение человека, превращается в безжалостного и эгоистичного. Хозяин «пересчитав деньги, смотрел мне в лицо со свирепостью грабителя и спрашивал: “Это всё?”» (с. 165).

Но и рабы становились лживыми и лицемерными. За признание в плохом обращении и тяжелом труде хозяину, которого раб не знал в лицо, он был оторван от семьи и продан в Джорджию. Рабы предпочитали отвечать, особенно чужому, что всем довольны, а их господа добры.

Внимательный читатель обратит внимание еще на одну черту жизни Юга. У рабовладельцев считалось неприличным, как сообщает Дуглас, плохо кормить рабов. Только у одного хозяина он жил впроголодь, и рабам приходилось даже просить подавание у соседей или воровать. Проблеме питания рабов уделялось серьезное внимание, она широко освещалась в печати. Обсуждался, к примеру, вопрос, можно ли рабам позволять самим готовить себе пищу, и вывод был таков: лучше, если на всех готовит один, чтобы в спешке рабы не приготовили что-нибудь недоброкачественное.

Из автобиографии Дугласа видна неправомочность отождествления американского рабства и русского крепостничества. Крепостной крестьянин все-таки не был лишен личной жизни, хотя помещики порой и вмешивались в нее. Он имел свой дом, орудия труда, участок земли, пусть и находившийся в пользовании; в отличие от раба, работал на помещика 3–4 дня в неделю, а то и меньше, остальное время на себя. За крестьянином стояла община, помогавшая в трудную минуту. Крепостной более независим в своих действиях, чем раб, ничего не имевший. Рабство и крепостничество – разные институты; первое – система принудительного труда, встроенная в капиталистическое общество, раб являлся частной собственностью владельца, его движимым имуществом; второе – государственный институт, система несвободного труда традиционного, патриархального общества. Крепостной тоже рассматривался как собственность, но между ним и помещиком стояло государство. Помещик выступал в роли посредника между крестьянином и государством: контролировал выполнение податей и повинностей, поддерживал общественное спокойствие на местах.

Будучи филологом, переводчик А. Лаврухин посвятил статью в конце книги литературному анализу текста, ставшего классикой афроамериканской литературы. Но данное сочинение, как говорилось выше, обладает не менее значимыми достоинствами как прекрасный исторический источник, лучшее

⁴ *Fields B.J. Slavery and Freedom on the Middle Ground: Maryland during the Nineteenth Century.* New Haven, 1985, p. 2, 85.

⁵ *Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния.* Л., 1990, с. 230.

свидетельство рабства в США. Можно лишь поблагодарить А. Лаврухина за удачный выбор книги для перевода, что объясняется его давним интересом к проблеме рабства в США. Отныне история жизни бывшего раба станет доступной для всех интересующихся рабством американского Юга. Небольшая книжка

Ф. Дугласа, превосходно изданная, станет также хорошим дополнительным материалом для преподавателей при изучении этой темы.

И. М. Супоницкая,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

H. Stoecker. AFRIKA WISSENSCHAFTEN IN BERLIN VON 1919 bis 1945. Zur Leschichte und Topographie eines missenschaftlichen Netzwerkes. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008, 359 S.

Х. Штеккер. АФРИКАНИСТИКА В БЕРЛИНЕ С 1919 ПО 1945 г. К истории и топографии научной инфраструктуры. Штутгарт, 2008, 359 с.

Книга германского историка Х. Штеккера, написанная по его диссертации, посвящена истории немецкой африканистики в межвоенный период. Этот период считается классическим в истории этой науки в Германии – в условиях потери колоний и возможностей практического использования специалистов в Африке она приняла академический характер. Именно на традициях классического периода африканистика развивалась после Второй мировой войны в обеих Германиях, причем в ГДР во многом благодаря усилиям отца автора книги¹.

Х. Штеккер концентрируется на африканистике – центром развития которой в рассматриваемый период был Берлин. В своем исследовании он базируется на широком круге источников, в том числе архивных – из немецких государственных, миссионерских, музейных и университетских архивов, а также ряда архивов Великобритании, Швейцарии, ЮАР и США. Немалое место в источниковой базе книги занимают и периодические издания исследуемого периода, в том числе редкие. Особую группу составляют “опубликованные источники”, как их назвал автор (с. 324–325) – различные малотиражные публикации университетов, научных центров, библиотек и пр.

Обширен список исследовательской литературы, использованной автором. Некоторое

удивление вызывает в этой связи отсутствие в нем ряда статей о немецких африканистах исследуемого периода, опубликованных в нашей стране при непосредственном участии автора этих строк (переводил их с немецкого на русский)².

Книга сделана в традиции немецкого гелертерства – с подробной мелкой рубрикацией, приложениями, сносками и пр. Она имеет подзаголовок “К истории и топографии научной инфраструктуры”. В целом это подробное изложение истории берлинской африканистики в годы Веймарской республики и “третьего рейха”.

Во введении автор касается важной терминологической проблемы – что же собственно включает понятие “африканистика”? Он показывает эволюцию значения этого термина в Германии – от изучения африканских языков и литератур до “гуманитарных и социальных наук, исследующих африканские общества и государства южнее Сахары в целом, их социальные и экономические структуры, их культуру и историю, их языки и литературы, а также их прочие социальные и этнические проблемы” (с. 11–12).

В центре исследования стоят такие проблемы, как вклад берлинских африканистов в африканистику, персоналии, связь науки с политикой, ее организационные формы.

Большое внимание автор уделяет предыстории вопроса – в частности достижениям немецкой науки в кайзеровской Германии.

Заметное место в его исследовании занимает история семинара по африканским языкам в

¹ Автора рецензируемой книги – сын покойного крупнейшего историка-африканиста ГДР Хельмута Штеккера (1920–1994), в 2000 г. он подготовил к посмертному изданию мемуары своего отца: *Stoecker H. Socialism with Deficits. An Academic Life in the German Democratic Republic. Hamburg, 2000, 120 S.* Рецензию см.: Новая и новейшая история, 2002, № 1, с. 241–243.

² См. Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985.